

Сандомирский Герман Борисович

**Торжество антимилитаризма:
К истории анархистского
движения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г38

Г38 **Герман Борисович С.**
Торжество антимилитаризма: К истории анархистского движения / Сандомир-
ский Герман Борисович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 67 с.

ISBN 978-5-519-84664-6

ISBN 978-5-519-84664-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Я родила сына не для того, чтобы он
 был солдатом;
 Я лелеяла его для того, чтобы он стал
 моей гордостью и радостью;
 Кто смеет заставлять его вздеть ружье
 на плечо,
 Чтобы убить любимого сына другой
 матери?
 Народы все споры свои должны решать
 миром.
 Время пришло отбросить в сторону сабли
 и ружья.
 Войны давно-бы уже прекратились,
 Если-бы все матери закричали в один голос:
 «Не для того я лелеяла сына, чтобы он
 стал солдатом!»
 (Песнь американских женщин).

I.

Для —будущего исследователя социальных течений нашего времени, быть может, не найдется более поучительной и интересной страницы, чем та, которую представляет собой эпоха расцвета т. называемых оборонческих идей во время мировой войны 1914—19 гг. В самом деле, можно-ли себе представить что-либо более изумительное, чем эта попытка использовать результаты невероятных усилий пролетариата европейских стран, усилий сбросить с себя иго государственно-капиталистического строя, а с ним и вечно-тяготевшее над ним кровавое ио войны,— в целях утверждения победы той или иной воюющей коалиции? В частности, для нас, анархистов, что можно представить себе более трагического, чем тот тяжелый разлад, который во время войны отделил нас, от любимейшего из учителей, и вождей наших П. А. Кропоткина, на творениях которого мы учились проникать в сокровенную глубину всего государственно-капиталистического

уклада современной жизни, воспитывали в себе „бунтовской дух“ и строили все свое революционное мирозерцание? Кто—за год, за два до войны—мог-бы предсказать этот роковой разрыв? А между тем, он случился—и, надо думать, одинаково больно чувствуется и переживается обоими сторонами

Любители казенной словесности и безответственной фразеологии, обычно, не задумываясь, накладывают на все течения оборонческой идеологии штемпель «социал-предательства» и на этом успокаиваются. По большей части, воспитанные на традициях знаменитой германской социал-демократии,—вся история которой, начиная с шестидесятых годов представляет собою не что иное, как сплошной компромисс с правящими классами, облеченный в форму самого беззастенчивого парламентского делчества—пресловутой «парламентской борьбы»—в которой одно предательство нагромождалось на другое и от которой теперь их русские ученики громогласно откэсциваются,*) они привыкли подходить к анализу оборончества с мерилom слишком субъективным.

Что касается нас, то у нас есть все данные отнестись к изучению этого явления с наибольшим вниманием и добросовестно.

Тем господам, которые пожелали-бы, (а такие господа, к сожалению, имеются) провести знак равенства между оборончеством Кропоткина, Грива, Малато, с одной стороны, и оборончеством Зюдекума и всей «имперской» социал-демократии в Германии, Альбера Тома, Гэда и др. во Франции, Вандервельде—в Бельгии, «доковых» патриотов Великобритании или продажной клики итальянских и иных журналистов, часто умудрявшихся получать круглые гонорары от обоих воюющих коалиций,—мы могли-бы возразить многое.

Ниже нам придется остановиться на этом вопросе несколько подробнее. Мы покажем, что партийтаги и конгрессы германской социал-демократии были всегда мощным оплотом против идей антимилитаризма, нарождавшихся в революционно-настроенной среде трудящихся романских стран. Кому из нас не па-

*) См. «Воззвание И. К. III Интернац.» от 4 IX.

мятны публичные заверения Бебеля (Бременский и Эссенский партийтаги), Фольмара и др. в своих патриотических чувствах?

Стоит хотя-бы бегло припомнить всю историю германской с.-д.,—и тогда всем нам станет ясно, что г-да Зюдекумы и Носке, так превосходно разоблачающие себя теперь в Германии,—когда в их руках находится та власть, которая должна повести немецкий пролетариат «мирным путем» к социализму,—были, быть может, гораздо последовательнее, осуществляя заветы не Либкнехта—сына, а Либкнехта—отца.

Мы должны оговориться: если до сих пор (и ниже) мы чаще всего останавливаемся на эволюции П. А. Кропоткина, то к этому нас побуждает не только его исключительная роль, которую до сих пор занимал П. А. в международном рабочем движении, но и то обстоятельство, что свои оборонческие убеждения П. А. высказал в самом начале войны со свойственной ему одному прямоотой и решительностью, не оставляющими места каким-либо колебаниям,—чего мы отнюдь не могли бы сказать о таких оборонцах, как Малато и др.

Каким материалом располагаем мы для характеристики прежнего отношения Кропоткина и группы оборонцев к войне? Можно без всякого преувеличения сказать, что этим материалом является вся анархистская литература прежнего времени, *всегда и везде пропагандировавшая безусловно-отрицательное отношение к войне и к участию в ней рабочих.* На этом до наступления мировой войны 1914-1919 гг. сходились без исключения все анархисты, независимо от тех или иных оттенков их мировоззрений, от тех или иных разногласий, разделявших их в других областях. Единогласным протестом анархистов против войны отмечено в Европе самое зарождение *организованного* анархистского движения. С этой точки зрения можно без всякого преувеличения сказать, что история анархистского движения является одновременно и историей того глубокого анти-военного движения среди наиболее передовых слоев европейского пролетариата, которое известно под именем *антимилитаризма* и обозначает собою активную *войну войне*, объявленную этими рабочими. Замечательно, что такие выдающиеся вожди антимилитаризма, как голландский анархист Домела Ньювенгейс, швей-

царский анархист Л. Бертони, американская анархистка Эмма Гольдман, — с ними и многие другие, — остались во время великой европейской войны непоколебимо верными своим принципам. Кто проследит историю анархизма за последние 25/30 лет, тот легко убедится в том, что его история неотделима от истории антимилитаризма. В то самое время, как в Германии, под влиянием становившейся все более и более реакционной проповеди вождей «имперской» социалдемократии, дух казенного патриотизма (а с ним и идеи оборончества) овладевали значительной частью германского пролетариата, антимилитаристские и антипатриотические тенденции, вместе с идеями революционного синдикализма и анархизма, проникали все более и более в среду пролетариата романских стран, находя себе сторонников во Франции, Италии, Испании, а за последние два десятилетия и в маленьких скандинавских странах.

Для получения верной исторической перспективы мы считаем нелишним хотя-бы бегло проследить здесь историю антимилитаризма.

Рядом с анархистами и революционными синдикалистами принимали деятельное участие в антимилитаристском движении и толстовцы, и отдельные социалисты (напр. Густа Эрве, бывший редактор боевой газеты «Guerre Sociale»), одно время стоявший во главе антимилитаристского движения во Франции, — к сожалению, во время последней войны изменивший своим принципам и ставший редактором ничтожного шовинистского листка «La Victoire», но главное ядро в нем представляли анархисты*). Вместе с Эрве, — изменили антимилитаризму также и многие вожди анархо-синдикализма. вроде Жуо, Ш. Малато (редактор оборонческой газеты «La Bataille»), но у этих, в отличие от Эрве, к концу войны шовинистически-патриотический угар начал заметно проходить.

*) С антимилитаристами не следует смешивать т. наз. «буржуазных пацифистов» вроде покойной баронесы Зутнер в Германии или известного проф. Шарля Рише во Франции, — мечтавших об уничтожении армии и прекращении войны в условиях нынешнего государственного-капиталистического строя.

Что же касается «социал-предательства» Кропоткина, — мы сказали бы им:

— Неужели, чтобы от этого испытанного вождя анархистского движения отстранить все ваши некрасивые подозрения в умышленном или неумышленном предательстве, недостаточно всей его прекрасной жизни, полной лишений и невзгод, — жизни, перед которой с уважением готовы преклонить свои головы даже наиболее ожесточенные из «Anarchistenfesser»-ов? Нужно знать, — как мы знаем, — жизнь и деятельность этого семидесятипятилетнего изгнанника уже по возвращении его на родину, — чтобы знать, что каждая мысль, каждое движение души этого великого друга человечества, каждая строка, написанная им, — по прежнему, принадлежит угнетенным. Но, если тем, кто этого не знает, кристально чистая жизнь П. А. Кропоткина не служит достаточной гарантией, мы напомним им некоторые факты из недавнего прошлого. В самом деле, — кто не помнит любопытного факта из истории Временного Правительства, — когда окончательно растерявшийся Керенский предложил Петру Алексеевичу пост премьера? Зная хорошо, как скорбел в то время П. А. о развале военной мощи России, угрожавшей поражением ее союзникам, Керенский рассчитывал, что Кропоткин превозможет свою антипатию анархиста ко всякой власти и решится принять на себя руководство политикой Временного Правительства. Но Керенский, конечно, ошибся. Своим отказом П. А. подчеркнул неизменную верность анархизму. В Кропоткине анархист оказался сильнее оборонца. Отвергнув предложенную ему власть, Кропоткин еще раз показал, что и в своих заблуждениях он остается с народом и только с народом. И в то время, как для Зюдекумов, Тома и «рабочих» министров Англии главным лозунгом во время войны являлось поддержание «священного единения», «гражданского мира», Кропоткин не пожелал своей личностью символизировать даже временного перемирия между правительством и народом.

Обо всем этом мы говорим не потому, что считали будто П. А. нуждается в какой-либо защите даже перед казенными публицистами. Мы хотим доказать, что одного этого факта достаточно, чтобы понять, что оборончество Кропоткина, по край-

ней мере, в его представлении, отнюдь не являлось орудием борьбы с социальной революцией, как это было для Зюдекумов и Гэдов всей Европы. Мало того: как мы увидим ниже из всех писаний П. А. и его единомышленников за время войны,—для них победа Согласия должна была явиться одним из неизбежных факторов торжества социальной революции и освобождения всего поработанного человечества. Именно это обстоятельство и заставляет нас с особой тщательностью отнестись к изучению этого явления. Разумеется,—если бы было иначе,—если бы хотя одна строка, написанная за время войны П. А. и другими оборонцами-анархистами, давала повод думать, что оборончество для них является орудием хотя бы временного утверждения господства капитализма,—мы с болью в душе должны были бы распрощаться с любимым учителем и пойти своей дорогой. Но, к счастью, во всех оборонческих писаниях П. А. с такой же силой, как и во всех его произведениях, предшествовавших несчастной войне, проводится идея близкой ломки всего капиталистически-государственного гнета. Только на этот раз, по его мнению, главным препятствием на пути к освобождению человечества является германский империализм, зажегший в целях своего торжества мировую войну. Германия должна быть сломлена не во имя победы Согласия, а во имя торжества социальной революции.

Итак, от одинаковой ненависти к империалистам и милитаристам всех стран—к специальному озлоблению против германского империализма и милитаризма; от антипатриотизма и интернационализма, незнающего границ,—к патриотизму стран Согласия; от исключительной веры в социальную революцию, которая должна произойти в результате инициативы и самодеятельности народных масс,—к страстному ожиданию победы держав Согласия; от ненависти к дипломатии, казарме, военщины—к проповеди обязательной трехлетней службы и т. д.,—такова трагическая эволюция, проделанная Кропоткиным и др. оборонцами-анархистами за время войны и повергшая в смятение души многочисленных учеников, до войны шедших за ним под влиянием равного обаяния его личности, жизни и смелой проповеди.

Эту эволюцию нам нужно изучить. Война кончена, и хотя она «кончена» таким образом, что из нее, несомненно, родится еще ряд,—б. м., не менее ужасных войн, тем не менее, разорение воевавших стран достигло такой степени, что измученному неслыханной бойней человечеству, несомненно, предстоит некоторая передышка. Создавая свой III Интернационал, коммунисты-государственники пытаются—худо-ли, хорошо-ли—собрать воедино все уцелевшие обломки международного рабочего движения. Та же задача стоит и перед анархистами-коммунистами. Однако, перед тем, как приступить к собиранию своих «обломков», нам следует исчерпать до конца наши глубокие разногласия с оборонцами. Мы должны—на опыте Версальского мира—доказать, им, что эпопея оборончества—одинаково для социалистов и анархистов—закончилась полным крахом его. Если мы раньше только уверяли, что победа Согласия *не может* принести освобождения трудящимся всего мира, то сложившаяся теперь—после Версальского мира—международная политическая конъюнктура, несомненно, *доказала* полнейшую утопичность и бессмысленность оборонческих надежд с гораздо большей убедительностью. Если эти иллюзии у кого либо из наших товарищей еще сохранились,—они должны рассеяться от одного сопоставления того, что писалось идеологами оборончества в самом начале войны, и теми результатами, которых им удалось добиться, теперь,—когда эта долгожданная Синяя Птица—победа держав Согласия,—наконец, в их руках.

Но недостаточно только исчерпать до конца разногласия, разделившие нас во время войны. Необходимо выяснить,—можем ли мы вместе пойти в ближайшем будущем? Благодаря наущениям банкиров и промышленников, военной клики и духовенства, благословлявшего на кровавые «подвиги»,—горы трупов разделили трудящихся всего мира. Однако, мы верим, —раны залечатся,—и рабочие вновь сольются в единую трудовую семью. Теперь, когда победа Согласия,—т. е., по мнению анархистов-оборонцев, необходимый фактор торжества социальной революции на лицо,—укажут-ли они нам, как на новый путь к ней, на путь воскрешения ~~националистических~~ инстинктов в душах победителей и побежденных? Или они предпочтут пойти с нами

вновь старым путем — утверждения истинного интернационализма, не знающего никаких преград между человечеством, — кроме одной, разделяющей всех поработанных от захватчиков власти и богатств?

11.

Итак, постараемся проследить главнейшие этапы этой изумительной эволюции, отдавшей великие умы и чистейшие сердца на служение чуждым им принципам национализма и империализма.

После поражения Франции, родившего идею реванша в побежденной и униженной стране, и крайнюю самоуверенность военных кругов Германии, Европа ни одной минуты не переставала жить под угрозой военного пожара, — анархисты и антиимпериалисты не хуже других понимали это. Как же готовились они к ней? Единственное средство предотвращения кровавой бойни народов и те, и другие видели в *всеобщем отказе рабочих воюющих стран от участия в войне*, — короче, во всеобщей военной стачке. Тем самым анархисты заранее отказывались признавать за какой-бы то ни было войной *освободительный характер*, как это сделали теперь Кропоткин и др. анархисты-оборонцы*), и навсегда отказались от какого-бы то ни было «свя-

*) В газете женевских анархистов «Le Réveil anarchiste». № 453, 27/1 17 г.) перепечатан ответ Домелы Ньювенгейса на статью одного анархиста-оборонца, защищавшего взгляды Кропоткина на эту войну как на освободительную. Д. Н. отрицая освободительный характер за какой-бы то ни было войной, между прочим, пишет: «Мы неизбежно впали бы в безысходное отчаяние, если-бы не думали, что даже эта отвратительнейшая из войн не послужит, в конечном счете, на благо прогресса. Но никто не имел-бы право утверждать, что она предпринята именно с этой целью. Когда-нибудь ее последствия могут оказаться благотворными, но представлять эту войну, как дело защиты свободы и демократии, значит — сознательно извращать истину. Вот почему — в наших глазах эта война продолжает оставаться позорищем для человечества, — и мы ни в каком случае не можем согласиться с нашим корреспондентом, характеризующим ее, как «освободительную». Как и всегда, речь идет о наживе и захвате власти. Кто хочет, пусть ищет в этом следы возвышенного. Мы не последуем за ним».

щенного» единения с имущими классами в целях одержания победы над «врагами». И в то время, как даже самые решительные из социалистов-государственников, на международных конгрессах, в предвидении готовившихся войн, предлагали исключительно-легальные полумеры в виде отказа правительству в военных кредитах, анархисты и антимилитаристы пропагандировали: единоличный и коллективный отказ от военной службы, единоличное и коллективное дезертирство, организовали при Биржах Труда особые фонды для поддержки дезертиров (независимо от их национальности) и вели неустанную агитацию в пользу всеобщей забастовки на случай объявления войны.

III.

Здесь нелишним будет напомнить некоторые факты:

Уже на Международном Брюссельском Конгрессе 1901 г. Домела Ньювенгейс внес свое нашумевшее предложение ответить, в случае объявления войны всеобщей стачкой. Однако, марксистское большинство конгресса отвергло предложение Домелы.

Аналогичное предложение было внесено крайними социалистами на знаменитом Цюрихском конгрессе 1893 г., прославившемся недопущением анархистов, но и он, как и следовало ожидать, отверг это предложение и ограничился приглашением социалистических депутатов подавать голоса против военного бюджета и требовать (конечно в парламенте,—т. е. наиболее платоническим способом) разоружения.

Несколько дальше пошел Амстердамский конгресс 1904 г., на котором единогласно принята была резолюция, приглашавшая, социалистов-рабочих всех стран, *хранителей международного мира*, всеми средствами противиться всякому распространению войны (речь шла о русско-японской войне).

Особенно интересным и знаменательным явилось столкновение антимилитаристов, представленных Густавом Эрве, с предтечами будущих Зюдекумов и Носке, на Штутгартском конгрессе, имевшее место в августе 1907 г., в порядке дня, которого, в 1-м пункте, был поставлен вопрос „о милитаризме и междуна-

родных конфликтах“. «Эрвеизм», предлагавший ответить на объявление войны открытым массовым восстанием, не мог, «конечно, не произвести впечатления разорвавшейся бомбы на добрых немцев»,—как рекомендовали себя на этом конгрессе представители патриотически-настроенной германской социал-демократии.

Историческая резолюция, предложенная конгрессу Густавом Эрве, нынешним редактором казенно-патриотической „Victoire“, гласила:

«Принимая во внимание, что для пролетариата безразлично, под каким национальным и правительственным ярлыком его эксплуатируют капиталисты:

„Принимая во внимание, что интересы рабочего класса противоположны исключительно интересам международного капитализма,

«Конгресс отвергает буржуазный и казенный патриотизм, выставляющий лживое утверждение о существовании общности интересов между всеми жителями одной и той же страны;

„Конгресс объявляет долгом социалистов всех стран объединиться для низвержения этой системы, чтобы создать социалистический строй и защищать его.

В виду же дипломатических интриг, угрожающих с разных сторон европейскому миру;—*конгресс прилагает всех товарищей отвечать на всякое объявление войны,—с какой-бы стороны оно ни исходило,—военной забастовкой и восстанием*“.

Против Эрве в прениях энергично выступили Бебель и И. Фольмар *).

Бебель, между прочим, сказал:

«Эрве говорит, что отечество есть лишь отечество господствующих классов, что до него поэтому нет дела парламенту;—но, ведь, и парламенты учреждения господствующих классов. Ведь вся наша деятельность сводится к тому, чтобы изменить к лучшему (!) хозяйственные, политические и социальные учреждения буржуазии. *Простое отрицание, следовательно, не годится.*

*) Цитирую, с значительными сокращениями, по отчету В. А. Поссе,—см. его прилож. „Европа наших дней“ к „Полит. истории Европы“ Сеньобоса.